

Все персонажи данной книги вымышленные, любые совпадения с реально живущими или жившими людьми, а также с любыми событиями, имевшими место в действительности, являются случайными.

Трагедия жизни заключается не в смерти,
а в том, что умирает внутри нас, пока мы живём.
Норман Казинс

17 августа, четверг

Как убить опытного, отлично подготовленного человека?

Ответ очевиден: усыпить его бдительность и нанести внезапный удар в спину. И не нужно переживать, что это подло, ведь важен результат, а не процесс, поэтому в данном случае это не подлость, а тактическая хитрость, которая позволит ударить фатально. Сразу насмерть. Ведь подготовленные люди способны на многое, и даже тяжёлая рана не заставит их испугаться или запаниковать. Опытный человек не ждёт нападения каждую секунду, иначе станет параноиком, но всегда к нему готов: благодаря инстинктам и отточенным долгими тренировками рефлексам. Если не убить его первым ударом — получишь яростный ответ, и ещё неизвестно, кто останется в живых: ты, начавший драку, или он, истекающий кровью, но слишком сильный и слишком умелый, чтобы проиграть.

А убийцу такой финал не устраивал.

Но как подкрасться к опытному, отлично подготовленному человеку на расстояние фатального удара? Да ещё в месте, где тебя не заметят случайные прохожие и не запишет следящая видеокамера? В месте, которое отлично подходит для убийственной атаки, но при этом не покажется опытному человеку подозрительным, и он не будет настороже. Ведь вы незнакомы, а значит, он не подпустит тебя слишком близко, тем более в подозрительном месте и в удобное для нападения время, например в сумерках. Как усыпить бдительность опытного человека? Как убить первым же ударом? И как потом уйти, потому что нет ничего глупее, чем ошибиться с планом отхода и позволить полицейским проследить

себя до дома. Хотя, пожалуй, есть: самое глупое — это попасться на месте преступления с орудием убийства в руках. Верх идиотизма — благодаря какой-нибудь нелепой случайности, например, тебя застанет врасплох полицейский патруль. Или заметит припозднившийся прохожий. С фотографирует и вызовет полицию. Неправильное место. Не то время. Неожиданный свидетель. Как свести к минимуму всё то, что называется «нелепой случайностью», что невозможно предусмотреть? Как собрать вместе удобное время, удобное место и неподготовленность подготовленного человека? Ответ один: следить, изучать распорядок дня, тщательно рассчитывая, где и как можно атаковать. Но наблюдение вести с максимальной осторожностью, поскольку опытный человек обязательно заметит слежку, а если не заметит, то почувствует, и лишь от тебя зависит, махнёт ли он на свои ощущения рукой, решив, что «нервы расшалились», или насторожится, будет готов к любой неожиданности и атакует первым.

А убийца не сбирался пропускать удар. И был достаточно опытен, чтобы не попасться на глаза столь же опытной жертве. И ему понадобилось всего две недели, чтобы спланировать нападение, местом для которого убийца выбрал тихую лесную дорогу: по ней жертва проезжала каждый будничный день, возвращаясь с работы. По утрам проезжала тоже, но в непредсказуемое время, убийце так и не удалось понять, как жертва решает, во сколько нужно выезжать из дома, зато по вечерам она была точна, как курьерский поезд. Да и не подходит утро для убийства — слишком много факторов, которые невозможно учесть. А вот вечернее время — между десятью и половиной одиннадцатого, идеально: основной поток автомобилей уже прошёл, все, кто торопился домой, поужинали и занялись вечерними делами, и неширокая, идущая через лес дорога становилась по-настоящему тихой. Вечернее время почти гарантировало отсутствие других автомобилей. Почти, потому что жертва жила в Подмосковье, а здесь, как и в Москве, всё опреде-

лялось этим словом. Тем не менее вероятность появления случайных свидетелей в половине одиннадцатого вечера убийца счёл низкой. А проехав по дороге, мгновенно придумал план атаки. На одном из поворотов. Здесь жертва обязательно сбросит скорость, и в этот момент в дверцу её автомобиля врежется велосипедист. Ничего удивительного: кусты изрядно разрослись, сократив видимость до минимума, растяпа-велосипедист слишком разогнался, не подумав, что впереди может оказаться автомобиль, и случилась небольшая авария.

Удар.

Убийца был хорошо тренирован, тщательно рассчитал траекторию движения, силу удара и свой прыжок. При падении не пострадал, но лёжа в дорожной пыли, сделал вид, что приложился изрядно. И после первого, нецензурного, вскрика продолжил громко стонать, держась обеими руками за правую ногу.

«Остановитесь или нет?»

За то время, что у него было, убийца не успел составить полноценный психологический портрет жертвы, однако в людях разбирался и знал, что некоторые водители в подобных ситуациях не останавливаются, а поспешат уехать. В лучшем случае проверят, жив ли велосипедист: высунутся из окна, посмотрят на лежащего человека и после этого дадут по газам. Такие люди встречаются. Но жертва не уехала. После удара красивый и дорогой внедорожник сразу же остановился, жертва заглушила двигатель, обежала машину — велосипед врезался в правый борт, но близко не подошла, остановилась в шаге от убийцы.

А вот кричать жертва начала ещё на бегу.

— ...! Твою ...! — И лишь остановившись, перестала ругаться и поинтересовалась: — Всё в порядке? — В голосе проскользнули участливые нотки.

— Да, — проскулил убийца, продолжая разминать ногу. — Больно только.

— А на кой ляд так гнать? Поворот же!

Следующая фраза получилась полностью нецензурной.

Убийца вздохнул и опустил голову.

В эти мгновения ему ни в коем случае нельзя было переигрывать. Жертва сейчас возбуждена, вся на нервах, возможна агрессивная реакция по самому незначительному поводу, поэтому необходимо продемонстрировать растерянность и даже испуг. Вид пострадавшего, слабого и покорного судьбе виновника столкновения, хныкающего то ли от боли, то ли от страха, успокоит жертву. А если и не успокоит, то абсолютно точно покажет, что опасности нет. Обыкновенная авария, случившаяся по обыкновенной глупости.

— Перелом? — хмуро спросила жертва, глядя, как убийца поглаживает ногу.

— Нет... То есть не знаю, но вряд ли. Думаю, просто ушиб. Надеюсь.

— Ну, ну... Подняться можешь?

— Пока посижу.

— Ну, посиди.

А дальше жертва действовала так, словно прочитала придуманный план, согласилась и решила в точности ему следовать.

Убедившись, что убийца жив, судя по всему, не сильно пострадал и угрозы не представляет, жертва повернулась к нему спиной и сделала шаг, чтобы осмотреть полученные автомобилем повреждения. Наступил тот самый момент, ради которого всё затевалось. Момент нанесения фатального удара. Убийца столько раз представлял его, что, наверное, мог бы проделать дальнейшие действия с закрытыми глазами. Быстро огляделся, в последний раз убеждаясь, что дорога пуста, выхватил острейший нож, одним прыжком оказался рядом с жертвой, дважды полоснул ей по ногам, слева направо и тут же — справа налево, отскочил назад и замер в боевой стойке, готовый или отступить, или добить — в зависимости от того, как поведёт себя жертва. А поведёт она себя в зависимости от тяжести ран. И потому сейчас убийцу интересовало одно: получилось ли ударить достаточно сильно и точно? Как выяснилось через несколько секунд —

получилось. Двумя резкими взмахами убийца нанёс жертве четыре очень глубоких пореза с внутренней стороны бёдер. Настолько глубоких пореза, что лезвие добралось до артерий и кровь хлынула потоком. Жертва обернулась, попыталась сделать шаг — убийца благородумно отступил ещё дальше, но на большее жертвы не хватило: раны оказались именно такими, как рассчитывал убийца, и жертва стала быстро терять силы.

Ещё один шаг и одновременно — невнятный хрип:

— Что ты... За что?

Отвечать убийца не стал.

— Кто ты?

В ответ тишина.

Ноги не держали. Жертва опустилась на колени и только сейчас принялась зажимать раны, сообразив, что теряет много крови. Но убийца знал, что усилия ни к чему не приведут. Не потому, что поздно, а потому что такие раны не зажать. И на коленях жертва долго не простоят: часики тикают, остались даже не минуты — секунды.

План сработал, цель достигнута.

— Сука... — Жертва повалилась в дорожную пыль, в которой несколько минут назад валялся убийца. Только на этот раз пыль была смешана с кровью. С несколькими литрами, которые сердце жертвы успело вытолкнуть наружу. — Сука...

Жертва захрипела и несколько раз дёрнулась, словно собираясь поползти к убийце по окровавленной пыли. Но то были конвульсии.

Некоторое время убийца во все глаза смотрел на умирающего человека, дрожа от зашкаливающего адреналина, а когда понял, что жертва затихла, глубоко вздохнул и вновь огляделся. Ни машин, ни прохожих. Действительно идеальное место. И действительно идеальная реализация плана: всё разыграно, как по нотам, хладнокровно и эффективно. Ни одного лишнего движения. Ни одной ошибки.

Как всегда.

Убийца поднял и внимательно осмотрел электровелосипед, убедился, что он не сломан, а лишь слегка повреждён, сел на него и спокойно поехал прочь, приступив к заключительному этапу операции — отступлению.

из романа «Сквозь другую ночь»

«Я знала, что прошлое меня настигнет...

Вы поморщились? Избитая фраза заставила вздохнуть и поджать губы? «Как это банально» — подумали вы, вспоминая, во сколько обошлась вам книга. Вам не нравятся оберты, давным-давно превратившиеся в пыльные штампы, но вы забываете о математической статистике, о том, что частота использования той или иной фразы определяется частотой наступления событий, которые она описывает. И если прошлое настигает каждого из нас, настигает беспощадно и неотвратимо, и если мы говорим об этом с грустью или страхом, то почему считается, что мы произносим банальность?

Ведь получается, что банальна сама истина? Банально то, что может случиться с каждым из нас в любой момент? И вся наша жизнь — банальный набор банальностей?

Смешно.

И грустно, потому что за банальной фразой о прошлом, которое обязательно настигнет, кроется реальность. Через год или десяток лет сделанный когда-то выбор обязательно сыграет. Или напомнит о себе. Или ударит в спину. И как правило, в самый неподходящий момент. И произойдёт это настолько неожиданно, что в первое мгновение подумаешь: «За что это мне?!» И лишь потом, и только в том случае, если будешь честен с собой, если вспомнишь сделанный когда-то выбор, поймёшь, что прошлое вернулось.

Бумерангом.

Ещё одна банальность? Ну, потерпите.

Что же касается меня, я точно, абсолютно точно знаю, что в мире ничего не случается вдруг. И даже когда за нами приходит прошлое, сначала всегда появляются знаки, указывающие на то, что должно случиться. Просто одни люди умеют эти знаки видеть, понимают их значение и готовятся, а дру-

гие отмахиваются. Не верят в “то, что невозможно доказать” и считают себя слишком рациональными. Я отношу себя к первым. Не могу сказать, что с детства верю в приметы и гадания, но, прожив чуть менее тридцати лет, я убедилась в том, что есть вещи, недоступные нашему пониманию. Мы не знаем, откуда приходят предсказания, как появляются предзнаменования и кто их посыпает. Но они работают. Да, не всегда, но ведь и лучшие в мире машины иногда ломаются. Поэтому, если мы видим знак, на него обязательно нужно обратить внимание. И если потом ничего не произошло, то вы, возможно, сумели что-то изменить в своей судьбе. А если произойдёт, то случившееся не станет ударом в спину.

Я надеюсь.

Что же касается знаков, то моим стала белоснежная мраморная статуя Гебы. Только не та, что выставлена в Эрмитаже, работы Антонио Кановы, а Геба Бертеля Торвальдсена, которую я видела в Копенгагене, в музее его имени, и которая мне очень понравилась.

Наверное, тем, что грустна. Ведь это так странно — грустная богиня. Да к тому же богиня юности, богиня той поры, когда нужно радоваться жизни и веселиться. А она грустит. Хоть и держит в руке чашу сnectаром бессмертия. Геба знает, что скоро Зевс на неё рассердится, или уже рассердился, и обязанность виночерпия на олимпийских пирах перейдёт к Ганимеду. Так будет. И потому богиня юности грустна.

Не могу сказать, что была потрясена мастерством исполнения. Если честно, я не сильна в скульптуре, но Гебу я запомнила. И вот недавно она стала мне сниться. Белоснежная и холодная, потому что мраморная. Но при этом живая, хоть и неподвижная. Этот странный сон всегда начинался одинаково: я медленно иду по галерее музея Торвальдсена, разглядывая статуи, которые давно позабыла, и вижу её — грустную богиню юности. Я узнаю её со спины. Я улыбаюсь, радуясь тому, что приближаюсь к любимой скульптуре, медленно обхожу её слева, с той руки, в которой она держит чашу, и поднимаю голову, чтобы посмотреть в её грустное белое лицо, которое помню в мельчайших деталях. Я хочу его видеть. Я его вижу. Но когда вижу — замираю, потому что

губы Гебы выпачканы насыщенным красным. Алой кровью. Я вижу следы крови на губах. Следы на подбородке и шее. Чаша, которую богиня юности наполняла нектаром бессмертия, тоже полна красного. Теперь полна. Так полна, что струйка стекает по белому мрамору.

Всё кровь.

Кровь была выбором. Кровь стала последствиями. Кровь всегда порождает новую кровь. Только её...

Когда сон явился первый раз, я решила, что это кошмар. Но он повторялся снова и снова, подтвердив, что не сон, а знак. Мне снилась кровь, и я поняла, что именно она ожидает меня впереди. Я не знала как, но знала, что она.

И когда знак показал, что впереди — кровь, я поняла, последствия какого выбора мне придётся расхлёбывать...»

18 августа, пятница

Летняя Москва просыпается с улыбкой. Немного лениво и очень-очень сладко потягиваясь, и совершенно не торопясь вплывать в повседневность — потому что лето. Потому что зевают разомлевшие на жаре деревья, дремлют пропечённые жарким солнцем камни, хочется долго завтракать на балконе после прохладного душа и никуда не торопиться. Не торопиться, конечно, не получается, потому что работу никто не отменял и дела нужно делать несмотря на то, что половина людей в отпуске, половина оставшихся о нём мечтает, а остальные только что вернулись и ещё не вошли в рабочий ритм. Да и с балконом тоже непросто: завтракать под солнечными лучами то ещё удовольствие, лучше уж на кухне, задёрнув шторы, но балкон в квартире Таисии выходил в уютный московский двор, густо поросший крепкими старыми деревьями, и в их густой тени завтракать получалось комфортно. Центр города, но тихо. Воздух, конечно, не лесной, но свежий, взбодрённый ароматом только что сваренного кофе, омлета и тостов. Ничего удивительного, что хочется улыбаться и не хочется никуда спешить.

— Спасибо за завтрак. — В отличие от Таисии, вышедшей на балкон в одном лишь халате, Игорь Филимонов почти собрался: брюки, носки, сорочка с двумя расстёгнутыми верхними пуговицами и без галстука.

— Не за что.

— Ты прекрасно готовишь.

— Не подлизывайся.

— Я, вроде, не наказан, — пошутил Филимонов.

— Ну, мало ли, как всё обернётся, — рассмеялась в ответ девушка.

Точнее, молодая женщина.

Таисии Калачёвой было двадцать девять лет, но выглядела она значительно моложе. Стойная фигура, скопее девичья, чем женская, привлекающая взгляды не округлыми формами, а энергией молодости. Длинные светло-русые волосы, кудрявые и очень густые. Тонкое лицо с мелкими чертами и оттого кажущееся маленьким, задорно вздернутый носик, изящно очерченные губы и тёмно-синие глаза, обычного размера, но из-за мелких черт лица кажущиеся огромными. Когда Таисия улыбалась, на её щеках появлялись восхитительные ямочки, а улыбалась она часто.

— Ты опять встала очень рано. — Он не спрашивал, он знал, во сколько Таисия ушла из спальни, но за ней не последовал, потому что она ещё в первую ночь предупредила этого не делать, продолжил спать, пока не заверещал будильник.

— Ты же знаешь, я — ранняя пташка.

— Опять работала?

— Опять не работала, — ответила она после короткой паузы.

Постаралась, чтобы фраза прозвучала ровно, но Игорь понял, что подруга недовольна и даже чуточку зла. И всё из-за того, что ничего не получалось со второй книгой. Так бывает, когда дебютный роман становится бестселлером и молодой автор неожиданно просыпается знаменитым. По-настоящему знаменитым, а не широко известным в узкой тусовке взаимовосхваляющих друг друга литературных работников. В дебюте у Таисии всё прошло идеально, но сейчас, как понял Филимонов, молодая женщина стала жертвой синдрома «второй книги» — никак не могла за неё взяться. Таисия просыпалась рано, уходила в кабинет, или на балкон, или на кухню, с блокнотом или ноутбуком, но, судя по настроению, пока у неё ничего не получалось.

— Решила перечитать? — Игорь взял в руки кофейную чашку и кивком указал на лежащий рядом с ноутбуком роман. Тот самый. Дебютный. Нашумевший.

— Просто листаю. — В отличие от мужчины, Таисия съела только половину омлета и явно не собиралась продолжать. — Освежаю в памяти. Мне ведь работать над сценарием.

Она откинулась на спинку кресла и положила длинные ножки на балконные перила. Получилось чуть вызывающе и необычайно привлекательно. Игорь вздохнул. Таисия улыбнулась. На какое-то время на балконе воцарилась тишина.

— Сосед напротив знает, что я люблю завтракать на балконе, и подглядывает. Сквозь ветви деревьев видно плохо, но он старается и за старание получает бонус.

— Так это для него, а не для меня? — Игорь сделал вид, что обиделся.

— Для тебя, милый, была целая ночь, — мягко обронила молодая женщина. Помолчала и продолжила: — Его жена знает, что он за мной подглядывает, но не говорит ему и подглядывает тоже. Иногда они смотрят на меня одновременно: она из окна кухни, он из окна спальни. Стоят и молча смотрят. И я до сих пор не знаю, что делать в такие мгновения: смеяться или бояться?

— Хочешь, я с ним поговорю?

— Ты ревнуешь?

— Ну...

— Не волнуйся, милый, без трусиков я выхожу на балкон только с тобой.

Он хмыкнул. Она улыбнулась. Знала, что ему приятно слышать эти слова, приятно, что она его дразнит, ведь получается, что сегодня соседу достался супербонус. Когда Игорь это понял, то вновь посмотрел на ножки подруги и покачал головой. Таисия громко рассмеялась.

— Показать тебе?

— У меня была целая ночь.

— Хорошо, что ты понимаешь.

Она сделала глоток кофе. Он вновь посмотрел на книгу и спросил:

— Сценарий помешает работе над следующим романом?

И попал впросак — Таисии вопрос не понравился.

— Зачем ты об этом спросил?

Филимонов понял, что ошибся, и попытался вывернуться:

— Потому что с удовольствием бы прочитал его.

Молодая женщина вздохнула, чуть поджала губы, но ненадолго, на пару секунд и, поскольку не нашла в тоне Игоря ни грана иронии, ответила честно:

— А вдруг я напишу плохо?

— Ты? — В его голосе не было притворства.

— Чему ты удивляешься?

— Я читал твой роман, Тая, ты не способна написать плохо.

На этот раз её улыбка получилась грустной.

— Я не знаю, Игорёк, честное слово — не знаю. Та книга стоила мне очень дорого, работая над ней, я чуть не сожгла себя, потому что слишком глубоко погрузилась в историю. Я думала, что опора на реальные преступления упростит работу, и не ошиблась: материалы расследований дали возможность не тратить время на выдумки, но при этом крепко по мне ударили: когда я осознала, что все описанные убийства случились на самом деле, стало неимоверно тяжело. Иногда казалось, что я умираю. А иногда — что я нахожусь внутри книги.

— Я давно заметил, что ты избегаешь упоминать её название, — очень тихо произнёс мужчина.

— Потому что оно очень длинное.

— Мне нравится.

— Оно всем нравится. В нём есть смысл, боль и кровь.

Оно идеально. Я сама его придумала.

— Ты очень талантлива, Тая.

— Об этом скажет вторая книга.

— И вторая, и третья, и все последующие, — уверенно произнёс Игорь. — У тебя всё получится.

— Ты правда в это веришь?

— Конечно. Ты удивишь всех.